

МАСТЕРА ИСКУССТВ

Чувство времени

В 1941 году, у костра, в прифронтовой полосе Юго-Западного фронта, на партийном собрании театра прозвучали слова: «Каждый спектакль — это сражение, которое надо выиграть». Они и по сей день определяют творческое кредо коллентива Львовского русского драматического театра Советской Армии. Сегодня мы рассказываем о ветеране театра, его ведущем актере, народном артисте Советского Союза Аркадии Аркадьеве.

МЯГКИМ движением актер притушил в пепельнице папиросу. Его большие выразительные руки устало легли на полированную крышку стола. В полусвете настольной лампы блеснули нарукавные нашивки военного моряка: сегодня в театре давали «Разлом», и Аркадий Иванович играл капитана 1 ранга Берсенева. И разговор наш поначалу шел в основном о трактовке лавреновской пьесы, довольно своеобразно прочитанной постановочным коллективом. Мне прочтение это показалось отнюдь не бесспорным, но я не мог не согласиться с тем, что некоторая затуманенность отдельных персонажей помогала ярче и выпуклее вылепить центральные фигуры спектакля — Годуна и Берсенева.

Образ Берсенева у Лавренева многогранен, полифоничен. Он и играется очень по-разному, даже одним и тем же актером в разных постановках. Время, как мудрый режиссер, подсказывает исполнителю сегодня одни акценты, завтра оно делает актуальными другие черты характера героя. Играл Аркадий Иванович Берсенева-дворянина, интеллигента, напряженно ищущего свой путь в этой все-русской буре и шедшего не столько с народом, сколько за ним, ибо искренне он любил свой народ, верил в его будущее. Играл и Берсенева-офицера, мужественного и честного, типичного представителя демократических слоев русского морского офицества, тех, кто прокладывал свой жизненный курс по заветам Нахимова, Истомина, Сенявина. Такие офицеры издавна противостояли и отпрыскам титулованных фамилий, лизоблюдам от флота, и флотским держимордам, душителям живой мысли, фанатически преданным самодержавию, а вернее — своим поместьям и привилегиям. В революции видел Берсенева спасение флота — шире, быть может, он еще и не был в состоянии взглянуть на события.

Сегодня Аркадьев играет по-иному. «Работая над фигурой Берсенева, я, в частности, думал об одном из первых командующих морскими силами Советской республики Евгении Андреевиче Беренсе, бывшем штурмане прославленного «Варяга», о первом советском адмирале Модесте Иванове и о многих других флотских командирах, честно служивших молодому государству Советов». Именно это высказывание Б. Лавренева поставлено актером во главу угла. Не за народом, а вместе с ним, не за флот, а за всю большую Родину идет в бой нынешний Берсенева Аркадьева. Смысловой кульминацией образа стали его слова:

— Россия никогда не вернется на старый путь. Может быть, никто из нас не доживет до лучшего будущего, но оно настанет, и новая родина помянет добром только тех, кто остался с ней в тяжкие годы, и навеки проклянет тех, кто покинул ее, как блудный сын, ища теплого местечка за рубежом.

— Он приходит к нам, в семидесятые годы, командир революционной «Зари», — говорит Аркадий Иванович, — чтобы взглянуть в глаза людям нынешних дней: во имя пролитой крови, мук и на-

дежд наших, стали ли вы лучше нас — вы обязаны быть лучше; стали ли вы сильнее нас — вы обязаны быть сильнее; стали ли вы больше нас любить эту новую Родину — вы обязаны любить ее больше нас, ведь мы ее еще не знали, она только грезилась нам, а у вас она есть. Ради этого мы и шли в революцию!

ОБОСТРЕННОЕ чувство времени, умение слышать его требования отличают актера со дня дебюта в армейском театре, когда еще в 1936 году сыграл он бригадира Малько в спектакле «Далекое» А. Афиногенова. Демобилизованный командир-дальневосточник на далеком таежном полуострове своим шагом, каждым поступком утверждает новое, социалистическое отношение к труду. Выработанная службой в РККА высокая сознательность, дисциплина, умение быстро и четко принять нужное решение, проявить инициативу — стоит ли говорить, как важны были эти качества в годы первых пятилеток! И Аркадьев сумел раскрыть их, создать образ столь живой и человечный, что о нем и доселе с любовью вспоминают старые театралы.

— Образцом современности, своевременности в драматургии для меня был и остается «Фронт» А. Корнейчука. Вы помните, какой живой отклик вызвала в рядах армии эта пьеса, в которой с такой остротой, публицистичностью ставились вопросы руководства войсками? Это было произведение яркое, страстное и нужное, ибо в нем не просто критиковались недостатки, но и показывался путь к их преодолению, — рассказывает актер.

«Фронт» играли в 1943 году уже в Чите. Военный театр, прошедший огни Юго-Западного и Сталинградского, был передан в распоряжение Забайкальского фронта. Это был спектакль о тех, с кем полтора года артисты делили солдатскую хлеб-соль, о людях, со многими из которых были лично знакомы. Аркадьев играл Огнева. Горлова — А. Максимов. Максимов не торопился развенчивать Горлова. Перед зрителем вставал седой, немало переживший человек, неторопливый и уверенный в суждениях. Заслуженный боец, беспроблемно преданный Родине, противопоставить ему Огнева, противопоставить — и победить в единоборстве было не легко, особенно если учесть, что Огнев не во всем удался и автору пьесы — мешала его некоторая декларативность.

Аркадьев играл талант, активную творческую натуру, ни на минуту не останавливающуюся в своем развитии. Горячее желание победить и холодноватый аналитический ум. Играл с какой-то ненасытной жаждой, в каждом спектакле находя новые краски, детали. И чем лучше, чем ярче играл, тем решительней обострялся конфликт в спектакле.

Отношение к пьесе Корнейчука было в ту пору весьма сложным. Один из командиров пригласил актеров на беседу. К началу беседы Аркадьев запоздал, задержался в театре. И, едва открыв дверь, услышал надменно-ироническую реплику: — Явился, носитель новых тактических идей? Решил генералов воевать учить?

Он требовал — пересмотреть трактовку пьесы. Не противопоставлять, а уравновесить Горлова и Огнева. Не подчеркивать новаторства молодого командующего. Изменить манеру игры. Убрать особо острые места. Достойным ответом на это

были слова самого Огнева, которые напомнил актер:

— Взломал я оборону врага кровью бойцов не для того, чтобы пробиваться назад, обратно. Моя армия будет жить, драться и побеждать. Она может и сделает это.

Театр поддержали тогда член военного совета К. Зимин, многие работники политуправления и штаба фронта. И спектакль победил!

Аркадий Иванович рассказал мне о весьма примечательной детали. Однажды «Фронт» играли в части, на открытой площадке. Жара стояла адова. А по пьесе зима, актеры в полшубках, пот течет рекой. И вдруг из амфитеатра крики: «Да снимите вы кожухи! Мы и так поверим, что зима. Ведь не в погоде же здесь дело!»

Артист умолк, задумался. Пальцы рук неторопливо зашуршали, выстукивая маршеобразный ритм. «Солдат! — подумал я. — Солдат по званию. Вся жизнь, весь талант отданы армии. И даже размышляет под марш...» Он перехватил мою улыбку:

— Мы ведь тоже военные, хотя форму надеваем только по вечерам, и то не в каждом спектакле. Живем, мыслим — все армейскими категориями. Работа над Огневом меня многому научила. И прежде всего тому, что военный театр — активная боевая единица. Ведь «Фронт» не просто рассказывал об армии — он вмешивался в ее жизнь, и в этом его слава.

И ВОТ РЯДОМ с актером Аркадьевым в театре рождается Аркадьев-режиссер. Дебют — спектакль «Летчики». Еще одна постановка — «Ракетчики». «Ракетчиков» показывали в Москве, в Кремлевском театре, за них Аркадий Иванович одним из первых в стране был отмечен серебряной медалью имени А. Д. Попова.

Но самый взлет еще предстоял. Им стал спектакль по пьесе военного журналиста А. Пинчука «Лейтенанты». Скоро любящие будут отмечать юбилейное, трехсотое представление «Лейтенантов»: успех, выпадающий на долю, прямо скажем, далеко не многих спектаклей.

О «Лейтенантах» Аркадий Иванович говорит спокойно не может. Поднялся — крупный, как говорят актеры, «фактурный», заходил по комнате большими шагами. И недаром его именуют мастером перевоплощения: скоро, еще не посмотрев спектакля, я уже до тонкостей знал всех — Костю Петухова, Тимура Земного, Санию Иванову, молодых офицеров, молодых коммунистов, героев нашего сегодняшнего времени. И даже их друга и командира Антона, о котором в спектакле только вспоминают, ибо сапер, как известно, ошибается лишь единожды.

А ведь рассказывать о них очень нелегко. Вот они ходят мимо нас по улицам города. На них элегантные кители, щегольские сапоги. Юные, нарядные, сверкающие. Тридцать лет без войны. Белые свечи цветущих каштанов.

Но то тут, то там экскаваторы мирных строек натываются на притаившуюся смерть: прожарившие снаряды, авиабомбы, а порой и целые склады их, готовые в любую минуту вспыхнуть испепеляющим огнем. И те же самые юнцы поднимаются по тресоту и мчатся в бой, бой трудный, бой опасный, где каждый — один на один с собой и со смертью.

— Аркадий Иванович! Вот мы с вами говорим: активно вмешиваться в жизнь, ставить наиболее важные вопросы. Но о таких спектаклях, как «Лейтенанты», кое-кто говорит и другое: конфликт, мол, хорошего с очень хорошим...

Аркадьев словно споткнулся о мои слова. Остановился реко посреди комнаты. Строго посмотрел на меня.

— Был среди моих героев еще один офицер. Сергей Луконин в «Парне из нашего города». Вот что говорил он — и эти слова, я уверен, имеют прямое отношение к теме нашего разговора. Помните его монолог в самом финале, — когда Гулиашвили назвал штурм Зеленой сопки на Хаджин-Голе последним штурмом?

— Ты сейчас о последней сопке думаешь, а я — о последнем фашисте. И думаю о нем давно, еще с Мадрида. Пройдет, может быть, много лет, и за много тысяч километров отсюда, в городе... в общем, в последнем фашистском городе поднимет этот последний фашист руки перед танком, на котором будет красное, именно красное знамя. И вылезет из танка танкист и усталой рукой вытрет с лица пот. Кто это будет? Кто вылезет? Ты? Или я? Или не ты и не я, а кто-то совсем другой? Всякие будут «если». Только победа будет без «если». Просто будет — и все.

Мы с Сергеем с апреля сорок первого года вместе. Я играл его вечером двадцать первого июня на заставе подо Львовом. Был он таким же, как герои наших «Лейтенантов». И они до сих пор воюют с этим последним фашистом, среди мира, среди цветов, в своих элегантных мундирах. Тогда, в сорок первом, ведь тоже многие так и ушли в бой в выходном обмундировании...

Аркадий Иванович еще походил по комнате, присел к столу, успокоился. Его большие выразительные руки устало легли на полированную крышку стола. Руки актера. Руки солдата. Идет по земле солдат. Победы на его пути отмечены высокими наградами: народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, кавалер медали имени Попова. Случаются неудачи — тогда еще белее становится голова, тяжелее груз годов. Но не дано солдату привалов. Потому как время у нас такое, когда каждый спектакль — это сражение, и его надо обязательно выиграть.

Э. МИХАЙЛОВ,
корр. «Красной звезды».

На снимке: А. АРКАДЬЕВ (слева) в роли Берсенева.
Фото М. КУРДУСА.